

На правах рукописи

СТЕФАНОВИЧ Пётр Сергеевич

**ЗНАТЬ И ВОЕННЫЕ СЛУГИ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII в.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

Москва 2014

Работа выполнена в Центре по истории Древней Руси
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт российской истории Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Флоря Борис Николаевич**
доктор исторических наук, член-корреспондент
РАН, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий Отделом истории средних веков Фе-
дерального государственного бюджетного учреж-
дения науки Институт славяноведения Российской
академии наук

Мельникова Елена Александровна
доктор исторических наук, главный научный со-
трудник, заведующая Центром «Восточная Европа
в античном и средневековом мире» Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Институт всеобщей истории Российской академии
наук

Гиппиус Алексей Алексеевич
доктор филологических наук, член-корреспондент
РАН, профессор Факультета филологии Нацио-
нального исследовательского университета «Выс-
шая школа экономики»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреж-
дение науки Институт истории материальной
культуры Российской академии наук

Защита состоится « ____ » _____ 2014 г. в 11.00 часов на
заседании Диссертационного совета Д 002.018.01 по защите диссер-
тации на соискание учёной степени доктора наук в Институте рос-
сийской истории РАН по адресу: *117036, Москва, ул. Д. Ульянова, 19.*

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института
российской истории РАН.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 002.018.01
кандидат исторических наук

И.А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что с древнейшим периодом истории Руси¹ связывается зарождение русской государственности, культуры и цивилизации. В общественной мысли России и в научной литературе, в том числе и в последние годы, этот период вызывал и вызывает разноречивые мнения.

Особенно спорными и сложными являются проблемы социально-политического строя средневековой Руси. Помимо скудости источников – обстоятельства естественного, но неизменно отмечаемого с сожалением историками, – это связано и с другими факторами. В изучение этих проблем привносятся абстрактные схемы, исторические данные оцениваются с позиций, априорно принятых из соображений не исторических, а философских или идеологических. Долгое время отечественная историография развивалась в отрыве от мировой, и это привело к пробелам, прежде всего, в разработке теоретико-методологических подходов к познанию прошлого. Свой отпечаток накладывает неоднозначное взаимодействие русской (российской), украинской и белорусской историографических традиций, которые рассматривают историю Руси домонгольского периода как общее наследство, но далеко не всегда под одним углом зрения.

Представления о феодализме, которые сложились в науке XVIII–XIX вв. и в рамках которых традиционно осмыслиется средневековая история, в настоящее время подвергаются серьёзной ревизии. Причём пересматриваются не только теории марксистского толка, но и классическое политико-правовое учение о феодализме². Что касается древнерусской истории, концепция феодализма, принятая в советской историографии, не удовлетворяет современному состоянию научных знаний, но наблюдается явный дефицит иных концептуальных подходов.

¹ Слово *русь* используется в работе для обозначения государства и его территории с прописной буквы, для обозначения этноса – со строчной.

² Широкое обсуждение «проблемы феодализма» на рубеже XX–XXI вв. было спровоцировано книгой Сьюзан Рейнолдс (*Reynolds S. Fiefs and vassals: the medieval evidence reinterpreted. Oxford etc., 1994*), резко критической по отношению к традиционным представлениями о феодализме. Ср.: Феодализм: понятие и реалии / Под ред. А.Я. Гуревича, С.И. Лучицкой, П.Ю. Уварова. М., 2008.

Трудности в осмыслении средневекового, а в особенности раннесредневекового, во многом архаичного, общества связаны и с тем, что можно назвать разрывом или разногласием в языке источника и языке (дискурсе) современного учёного. Социальная структура в раннее Средневековье была размыта и аморфна. Юридические и институциональные градации, зафиксированные в документах, происходящих из разных регионов Европы, носили часто более или менее случайный и в отдельных случаях особенный характер, были неустойчивы и непоследовательны. Привычные для историков сословные или классовые определения, сложившиеся в более позднее время, не применимы или применяются с натяжкой к этим обществам. До сложения сословного строя в позднее Средневековье общественная иерархия строилась и определялась под воздействием не столько письменно зафиксированных юридических норм, сколько общепринятых обычаев, представлений и практик и фактического соотношения сил. И в источниках мы не найдём последовательных обозначений правового характера для общественной иерархии; терминология есть, но она случайна и непоследовательна, исходит из разных принципов называния социальной реальности и не соответствует или плохо соответствует привычным нам способам рационально-систематического описания и определения действительности.

Вместе с тем, нельзя думать, что раннесредневековое общество было настолько размыто и неструктурировано, что не имело вовсе иерархии и представляло собой некую «общинность», как утверждают некоторые историки «славянофильского» направления. Такой взгляд противоречит массе данных, которые накоплены в разных научных дисциплинах и которые заставляют смотреть на древние общества как на более или менее сложно стратифицированные и иерархизированные.

Как показывают исследования этнологов, даже в обществах, где властные государственные институты и структуры только начали формироваться, коллективно-уравнительные (общинные) отношения не всеохватывающи, они «расщеплены» на разные уровни и не могут подавить или поглотить имущественную дифференциацию, стремление отдельных личностей к власти над другими и т. п. факторы. Эгалитарные обще-

ства, жившие или живущие в некоем «первобытном коммунизме», исторической науке вообще не известны, да и у этнологов идут споры, применимо ли это понятие и в какой мере к современным «примитивным» обществам, и в любом случае, речь идёт лишь об обществах, живущих в весьма специфических природных условиях в отдельных областях Африки и Азии³.

Сравнительно-типологические теории современных социологии и политологии подчёркивают неизменность элитарных тенденций в человеческом сообществе. В западноевропейской науке в конце XIX – первой половине XX в. была развита «теория элит» (у её истоков стояли В. Парето и Г. Моска), которая стала своего рода ответом на стремление учёных XIX в. видеть в центре исторического процесса либо героев, либо «народ» (нацию)⁴. В настоящее время эту теорию оценивают по-разному, но вклад её в науку очевиден, и никто не отрицает важнейшую роль некоей верхушки общества (элиты) в управлении этим обществом и её решающее влияние на его развитие. Далеко на всё население и даже не большинство того или иного государственного или общественного образования имеет возможность (и желает) влиять на политический процесс. Реальная власть принадлежит сравнительно узкой и немногочисленной верхушке. В разных исторических условиях эта верхушка может по-разному выглядеть, но присутствует она практически во всех обществах, известных науке. И она выполняет некоторые важные общественные функции, сама изменяясь. Развитие общества может замедляться, если не происходит её обновления или даже перерождения (то есть начинается «стагнация элиты»).

Наконец, и с точки зрения археологии раннесредневековое общество предстаёт перед нами сегодня совсем не «общинным», а с ярко выраженным неравенством. В частности, накоплена масса данных об имущественной дифференциации и концентрации объектов социального престижа и исправления власти на территории Восточной Европы, вошедшей в состав

³ См.: *Béteille A. Inequality and equality // Companion Encyclopedia of Anthropology / Ed. T. Ingold. London-NY, 1994. P. 1012; Крадин Н.Н. Политическая антропология. Изд. 2-е. М., 2004. С. 149 и след.*

⁴ См. об этой теории: *Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1 (62). С. 136–153.*

Древнерусского государства, уже в IX–X вв. «Один из существенных аспектов культурной трансформации», который фиксирует современная археология на этой территории в это время, – это «символическое обозначение власти и социальной иерархии, появление особых форм престижного потребления, особых категорий статусных вещей и выделяющихся по своему характеру погребальных памятников, призванных служить знаками властных отношений и особого положения социальной элиты»⁵. Осмысление такого рода данных в свете письменных источников – давно назревшая необходимость.

В целом, исследователь социально-политической структуры Древнерусского государства оказывается в очень сложной историографической ситуации, обусловленной и объективными трудностями в работе с древними источниками, и концептуальным кризисом современной исторической науки. Пересмотр исторических свидетельств – с учётом новых, выявленных в последнее время, данных – в такой перспективе актуален, прежде всего, в отношении верхов древнерусского общества, которым в отечественной историографии традиционно уделялось недостаточно внимания, либо их роль трактовалась односторонне. В рамках «славянофильского» направления русской историографии отдельным группам населения в двучастной схеме ««народ» (“община”) *versus* правитель» места не находилось. В традиции, идущей ещё от Н.М. Карамзина и «государственной школы», в центре внимания стояло складывание централизованной власти, и на социальные группы, приближенные к правителю, смотрели как на служебные, вспомогательные. Наконец, в советской историографии знать («класс феодалов») выступала как деструктивная антицентрализаторская сила.

Необходимость понять структуру общества, отделённого от нас тысячей лет, в свете новых данных и новых подходов, а с другой стороны – пересмотреть и общие понятия, в которых следует осмыслять реалии этого общества, определяет **научную проблему** исследования. Кто именно, какие люди состав-

⁵ Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.-Вологда, 2012. С. 449.

ляли в древнейший период истории Руси слой, который выделялся среди прочих, нес прежде всех прочих ответственность за политические решения и поддерживал власть правителя, а с другой стороны – на кого опирались эти люди и как осуществляли господство? Какими словами эти люди обозначались в источниках и как правильнее определить их в научных терминах современной науки? Когда и в каком виде эти люди выступают как отдельная социальная группа (или группы) и какую эволюцию эта группа (группы) претерпела(и) в процессе становления Древнерусского государства? От этих вопросов отталкивается исследование.

Разумеется, в древних обществах обладание властью и ресурсами происходило, в конечном счёте, из военного превосходства – господствовал тот, кто был сильнее. Военные и политические характеристики и функции находились в неразрывной связи, а общественные так или иначе от них зависели. Поэтому в центр исследования необходимо поставить две социальные группы, которые в древнерусском обществе, как и в других раннесредневековых обществах Европы, должны были занимать ведущее положение – знать и (профессиональные) воины, которые служили как правителю, так и другим знатым и богатым людям, способным оплачивать услуги этих воинов и нуждавшимся в их поддержке. **Объект исследования** – эти социальные группы древнего государства Руси, которые имели первостепенное значение в высокой степени милитаризованном раннесредневековом обществе и были причастны в большей степени, чем остальные группы и слои, к установлению и исправлению власти. **Предмет исследования** – свойства и характеристики знати и воинов, состоявших на службе князей и знатных людей, как социальных групп на Руси в X – первой трети XII в., их положение в социальной иерархии, отношения друг с другом и с носителями высшей светской власти (князьями), их роль в политическом процессе и, отчасти, в общественной жизни.

Собственно княжеский род Рюриковичей, из которого происходили правители Руси домонгольского периода, не рассматривается, так как его следует считать особым элементом социально-политической структуры Древнерусского государ-

ства, отдельным от знати, хотя и тесно связанным с ней. Не рассматриваются и люди, принадлежавшие к церковной организации, также представлявшей собой особую часть общества. Исследуются не столько военные, политические и административные институты и процессы, сколько группы, так или иначе задействованные в этих институтах и процессах, и представлено внешнее структурное описание этих групп с учётом динамики в их положении и, отчасти, взаимодействия их друг с другом на протяжении сравнительно длительного времени. Эти вопросы исследуются, с одной стороны, в динамике (с учётом разного рода изменений в развитии Древнерусского государства на протяжении более двухсот лет), а с другой – с учётом участия этих групп в политическом процессе и государственном управлении.

Хронологические и территориальные рамки исследования. О государстве руси мы располагаем сравнительно ясными свидетельствами приблизительно с конца IX в. Понятие государства в данной работе используется в широком смысле, в каком о нём принято говорить в русскоязычной историографии, – то есть для обозначения некоей относительно централизованной политической системы, которая охватывает население на определённой территории некими обязательствами по фиску, суду и управлению. Разумеется, применительно к Средневековью нельзя вести речь о государстве в его современном понимании – публичная система власти и контроля, письменное систематическое законодательство, бюрократия, представления об общем благе и т. п. В раннесредневековых политических образованиях монополия общепризнанной власти и представления об этнополитическом и культурном единстве населения, воспринимающего эту власть как легитимную и даже как символ единства, лишь начинали складываться. Неоправданным оказалось применение к Средневековью марксистской теории государства, ставящей во главу угла разделение общества на экономические антагонистические классы⁶.

Данные, относящиеся к предыстории Руси в IX в., весьма скудны, их интерпретация вызывает большие трудности с ис-

⁶ Ср.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 160–169.

точниковедческой точки зрения и постоянные споры и сомнения в литературе. Дискуссионна и неопределённа даже географическая локализация руси IX в. Отрывочные и неоднозначные данные о политической организации и социальных отношениях руси в IX в.⁷ свидетельствуют о наличии некоторой иерархии в её среде, но не позволяют составить сколько-нибудь внятное представление об отдельных группах населения, в том числе социальной верхушке. Они в работе не используются.

В течение X в. формируется Древнерусское государство со столицей в Киеве (Киевская Русь). Первоначальным ядром этого государства была территория в Среднем Поднепровье, которая в источниках называлась «Русской землёй» и которую современные историки называют «поднепровской Русской землёй» или «Русской землёй в узком смысле», чтобы отличать от той «Русской земли», которой во второй половине XI – середине XIII в. называли всю территорию подвластную Рюриковичам. К началу XI в. государство со столицей в Киеве занимает территорию, на которой позднее развиваются древнерусские княжества и земли⁸. Настоящее исследование построено на данных, происходящих из разных частей этого государства, но всё-таки подавляющее большинство свидетельств происходит из центров, связанных со Средним Поднепровьем – прежде всего, Киева, – а также Новгорода, который с конца IX в. признавал власть киевских князей.

Верхняя хронологическая граница исследования определяется коренными изменениями в политическом и социально-экономическом строе Древней Руси. В литературе со времён М.С. Грушевского принято относить начало «раздробленности» единого Киевского государства к смерти в 1132 г. киевского князя Мстислава Владимировича «Великого». Датировка

⁷ Ср. новейший обзор достоверных данных о руси, восходящих к IX в.: Назаренко А.В. Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама... С. 12–35.

⁸ См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002 (1-е изд.: 1951 г.). С. 27 и след.; Кучкин В.А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 75.

эта, конечно, условна, и далеко не все историки с ней согласны⁹. Центробежные и центростремительные тенденции можно обнаружить практически на всём протяжении домонгольского периода древнерусской истории в той или иной форме и степени. Но, вне всякого сомнения, приблизительно с середины XI-го и до середины XII-го в. центробежные процессы в экономике (рост новых центров производства и перераспределения ресурсов, хозяйственное освоение подвластной территории) и политико-династической сфере (разделение наследства Владимира Святославича Святого представителями размножившегося рода Рюриковичей) всё более преобладают, подавляют центростремительные и приводят в конце концов к тому, что множественность политических центров на Руси воспринимается как нечто естественное и современниками, и позднейшими историками. Во второй трети XII в. ясно обнаруживаются черты своеобразия в этих политических центрах (ср., например, события 1136 г. как важный этап в складывании «республиканского» строя Новгородской земли).

Есть и другие причины для выбора верхней хронологической границы исследования. Как показывает само это исследование, на начало XII в. приходятся важные изменения в социальной структуре Древнерусского государства, которые явно соответствуют политическим и экономическим переменам. Имеется в виду, прежде всего, трансформация и положения, и роли важного элемента военно-политической элиты Руси – воинов, состоявших на жалованье у князей. Кроме того, для периода до середины XII в. крупные разногласия вызывает объяснение сущности боярства, тогда как его положение как высшего общественного класса (знати) с середины XII в. представляется подавляющему большинству учёных бесспорным. Наконец, хронологические рамки работы в значительной степени определяются опорой на данные важнейшего памятника начального летописания Руси – «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), составленной в 1110-х гг. Погодное летописание продолжило ПВЛ, но известия, сравнительно подробные и ин-

⁹ См.: Кучкин В.А. О времени существования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 126–132.

формативные в отношении социально-политического строя, появляются только как раз с 1130–40-х гг., обозначая и новый период в развитии древнерусского летописания.

Вместе с тем, исследование в ряде случаев выходит за обозначенный рубеж, и привлекаются данные XII–XIII вв. Обращение к этим данным необходимо отчасти для полноты анализа того или иного социального термина, употреблявшегося не только в X–XI в., но и позднее, отчасти для прояснения сущности и позднейшей судьбы явлений, корни которых уходят в глубокую древность. С другой стороны, исследование слова *дружина*, заставляя обратиться к старо- и церковнославянским текстам, уводит и в более древнее время и в другие страны, где существовала церковнославянская письменность.

Цель исследования – всесторонне описать и определить в научных категориях формы, состав и отношения с центральной властью верхушки древнерусского общества в X – первой трети XII в., особенно той её части, которая участвовала в принятии важнейших военных и политических решений. В соответствии с поставленной целью были определены **задачи исследования**:

– пересмотреть категории и понятия, с помощью которых историки XVIII – начала XXI в. пытались определить и систематизировать элементы социально-политической структуры общества Древней Руси. Особенно важно, учитывая современную историографическую ситуацию, оценить понятийный аппарат, принятый в русскоязычной историографии, в контексте развития западноевропейской медиевистики, главным образом с 1920–30-х гг.;

– выявить и последовательно проанализировать слова и термины, которыми в источниках обозначались социальные группы и слои Древнерусского государства, выделявшиеся, прежде всего, по их военному и политическому значению. Особое внимание следует уделить понятию *дружина*, которое широко представлено не только в древнерусских текстах, но и в старо- и церковнославянских, и которое в то же время часто используется в научной литературе для характеристики социально-политической структуры Древней Руси;

– оценить полученные результаты лексического и терминологического анализа с исторической точки зрения в сопоставлении с иными свидетельствами древнерусских источников и на широком

сравнительно-историческом фоне с привлечением данных, происходящих из раннесредневековых обществ Европы;

– описать, опираясь на этот исторический анализ, процесс формирования и эволюции важнейшей социальной группы средневекового общества – знати – и оценить её роль и место в социально-политической структуре Древнерусского государства. Следует также оценить значение военного фактора в становлении Древнерусского государства и роль людей, профессионально занятых военным делом, в развитии централизованной политической власти;

– продемонстрировать связь социальных процессов и социальной структуры с развитием институтов власти (прежде всего, княжеской власти) в древнейший период истории Руси.

Степень изученности темы. Те или иные суждения и высказывания о социально-политической структуре Древней Руси можно найти практически в любой более или менее обширной работе, посвящённой древнерусской истории, начиная с трудов В.Н. Татищева. Но лишь немногие из них обоснованы собственными изысканиями авторов по первоисточникам и носят не общий оценочный характер, а оригинальный аналитический, внося вклад в научную разработку темы. Целенаправленные исследования социально выдающихся групп и категорий Древнерусского государства стали предприниматься в России с 40-х гг. XIX в., и они продолжают и сегодня. Можно наметить несколько этапов в развитии этих исследований.

В 1840–1870-е гг. происходили накопление и ввод в научный оборот данных о тех людях, которые, с одной стороны, были причастны высшему государственному управлению и составляли непосредственное окружение князей, а с другой – выделялись в среде «простого народа». Роль этих людей не оценивали высоко, делая акцент на взаимодействии монархического начала и «общины» во главе с вечем. В 1880–1910-е гг., главным образом, в трудах В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского и А.Е. Преснякова было указано на важную историческую роль знати в образовании Древнерусского государства и в позднейшей истории Руси, и были предложены последовательные концепции, раскрывавшие эту роль. Эти концепции знаменовали качественный сдвиг в изучении темы, но во многом – и в сути, и в деталях – расходились между собой. В 1930-х гг. в трудах

С.В. Юшкова и Б.Д. Грекова была сформулирована теория, которая, исходя из постулатов марксизма, определяла древнерусское общество как феодальное. Корень могущества знати («класса феодалов») виделся в землевладении, значительное развитие которого относилось ко времени не позднее XI в. Позднее этот тезис был оспорен, и с 1950-х гг. в западной, а с 1980-х гг. и в русскоязычной историографии стали оценивать формирование и роль социальных верхов Древнерусского государства, возвращаясь к теориям второй половины XIX – начала XX в. В настоящее время в историографии представлены разноречивые суждения. Некоторые историки разрабатывают понятие дружины (А.А. Горский), другие делают акцент на феодальных отношениях (М.Б. Свердлов и др.), а некоторые вообще отрицают наличие элитарных социальных групп на Руси вплоть до XIII–XIV вв. (И.Я. Фроянов). Зарубежные учёные пытаются осмыслить социальную иерархию Древней Руси в европейском контексте.

К настоящему времени в историографии введены в научный оборот многочисленные данные источников, прямо относящиеся к теме, и предложены разные подходы для её раскрытия. Вместе с тем, до сих пор ни в одной работе не был осуществлён исчерпывающий подбор источников по теме с всесторонней оценкой относительной достоверности соответствующей информации. С другой стороны, ни один из применённых методических и теоретических подходов не дал ясной и последовательной картины складывания и изменений верхушки Древнерусского государства в X – первой трети XII в. Сильные различия в оценках разными авторами роли и происхождения знати происходят во многом из-за разного понимания факторов социальной дифференциации, то есть того, что придавало отдельным людям или родам повышенный статус. Кроме того, сконцентрировав внимание на боярстве, историки гораздо меньше исследовали группы населения, не настолько выдающиеся, как бояре, но также имевшие повышенное военное и политическое значение. Формирование и динамика изменений социальной верхушки Древнерусского государства является спорным и относительно слабо разработанным аспектом исто-

рии средневековой Руси; исследование этих вопросов на современном этапе историографии представляется целесообразным.

Источниковую базу диссертации составляют письменные источники разных видов – нарративные и документальные. Использованные нарративные источники – летописи и исторические сочинения, а также литературные памятники, преимущественно агиографические произведения. Это тексты как оригинальные древнерусские, так и переводные. Документальные источники – законодательные памятники, международные договоры, акты и тексты личного происхождения (например, новгородские берестяные грамоты). К последней категории примыкают памятники эпиграфики – надписи, оставленные частными лицами на стенах соборов Киева и Новгорода.

Исследование построено на максимально возможном круге источников, содержащих релевантную для темы информацию, однако привлекаются только те тексты, которые, согласно новейшим специальным источниковедческим исследованиям, восходят ко времени, очерченному хронологическими рамками работы, или которые близки этому времени, но в любом случае были созданы не позднее конца XIII в. Такой подход диктует строгий отбор источников по степени их надёжности и достоверности. Ряд памятников летописания (например, Никоновская летопись) был сознательно отвергнут из-за того, что происхождение известий, в них содержащихся, не может быть надёжно возведено к периоду до указанного рубежа.

Помимо источников собственно древнерусского происхождения привлекаются тексты, созданные в других странах и регионах. Во-первых, это обусловлено компаративным методом, который широко применяется в работе. Например, в рамках сравнительного анализа рассматриваются сообщения римского историка Публия Корнелия Тацита (I в. н. э.) о германской дружине, данные раннесредневековых сборников права («варварских правд»), свидетельства разного рода польских, чешских, венгерских и скандинавских источников XI–XII вв. Во-вторых, относительно древнейшего периода истории Руси очень важны показания источников иностранного происхождения, по времени создания близкие к зафиксированным в них фактам и позволяющие верифицировать сообщения древнерус-

ского летописания, восходящие ко времени не ранее начала XI в. (трактаты византийского императора Константина Багрянородного, сообщения арабских географов и путешественников X в. и др.). В-третьих, для исследования семантики древнего слова *дружина* привлекаются тексты старо- и церковнославянской письменности, в которых упоминаются это слово и этимологически связанное с ним слово *друг*, – памятники кирилло-мефодиевского круга (в том числе жития славянских первоапостолов) и церковнославянские произведения, созданные в Болгарии и Чехии в X–XI вв.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма требует рассматривать и оценивать социальные реалии в историческом контексте. В данном случае положение групп знати и военных слуг в социально-политической структуре, их взаимодействие с другими группами и институтами и их динамика объясняются в зависимости от конкретных условий и обстоятельств формирования и развития Древнерусского государства в X–XII вв. Научная объективность предполагает непредвзятый учёт всех предложенных в научной литературе подходов к изучению социально-политической структуры Древнерусского государства. Комплексный анализ максимально возможного количества источников, содержащих достоверную информацию по теме, обеспечивает исследованию необходимую системность.

Исходным для исследования является анализ тех или иных социальных терминов. Так как относительно Древней Руси мы не располагаем документами, в которых более или менее систематически отражена социальная иерархия в соответствующей правовой терминологии, приходится следовать просто за упоминаниями тех или иных социальных категорий во всех доступных источниках. Такой терминологический анализ должен учитывать не только сохранность и происхождение того или иного текста, но и его литературные особенности, взгляды, мировосприятие, идеологию его автора и прочие многочисленные обстоятельства его создания и бытования в социально-культурной среде.

Важную методологическую проблему практически любой работы, затрагивающей социальную историю Руси в древнейший период, является оценка достоверности тех или иных сведений письменных источников, особенно летописей – важнейшего «поставщика» исторической информации. Летописи представляли собой, как правило, своды – то есть собрание разного рода текстов, в том числе летописных произведений предшествующего периода. С течением времени древние тексты претерпевали разного рода правку и искажения, и выявить их оригинальный вид бывает часто чрезвычайно трудно. Кроме того, и летописцы, и другие авторы были людьми своего времени. В изложении событий прошлого и событий им современных они не только зависели от тех источников информации, которые были в их распоряжении, но и руководствовались политическими пристрастиями, идеологическими соображениями, личными интересами, наконец, просто «картиной мира», сложившейся в их головах. В литературе давно уже обращалось внимание на эти трудности, встающие на пути историков, и в последние годы даже высказываются суждения, крайне скептически оценивающие познавательные возможности современных исследователей.

Признавая и трезво оценивая эти трудности, данное исследование исходит, однако, из того, что есть способы их преодолеть. Во-первых, приоритет следует всегда отдавать тем источникам, которые сохранились в наиболее исправном виде и время создания которых наиболее близко стоит ко времени описываемых в них событий. Во-вторых, в науке разработаны специальные источниковедческие методики, позволяющие приблизиться к оригинальному виду того или иного текста, искажённого позднейшими вмешательствами, и установить условия его создания, чтобы оценить степень достоверность его информации. Среди этих методик важнейшее место занимает текстология, и в данной работе она активно используется, особенно применительно к сообщениям начального летописания, с опорой на труды А.А. Шахматова.

Наконец, в-третьих, надо использовать любые возможности «перекрестной проверки» той информации, которую несёт один источник, сведениями, почерпнутыми из других источни-

ков, максимально расширяя исследовательскую перспективу. С этим подходом связано применение ретроспективного и компаративного (сравнительно-исторического) метода. Ретроспективный метод подразумевает сопоставление данных о каком-либо явлении в один исторический период с данными об этом же явлении в более раннее или более позднее время.

Компаративный анализ уместен, с одной стороны, в тех случаях, когда свидетельства древнерусские и иностранного происхождения дополняют друг друга, позволяя описать и осмыслить то или иное явление во всей его полноте. С другой стороны, он заставляет обращаться к зарубежной историографии, соотнося характеристику важнейших элементов древнерусского общества с общепринятыми в мировой науке категориями и терминами. Данное исследование поддерживает подход польского историка К. Модзелевского, который сравнивает данные из славянских регионов X–XII вв. со скандинавскими данными приблизительно того же времени, а также свидетельствами о раннесредневековых германских *gentes* («племенах»)¹⁰. Он обосновывает возможность сравнения в «антропологически схожей ситуации», то есть в том случае, когда в тех или иных обществах сопоставимы условия жизни и их восприятие в культуре. В таком случае сравнение приводит не к созданию абстрактных конструкций, а с помощью правильно подобранных аналогий и учётом «категорий» архаического сознания помогает выявить некие базовые, общие для разных народов и регионов, принципы и механизмы адаптации человека к среде, перераспределения ресурсов и социально-политической организации.

Научная новизна исследования заключается в оригинальной постановке научной проблемы, в новом подходе к отбору источников и методике работы с ними, в полученных результатах, новых для отечественной историографии. В работе:

- выявлены и обобщены наиболее достоверные данные, включая целый пласт социальной терминологии, о тех слоях общества Руси X – первой трети XII в., которые имели бóльшие по сравнению с остальным населением политическое влияние и во-

¹⁰ См.: *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.

енное значение, а также более высокий социальный статус – знати и профессиональных воинов на княжеской службе;

– впервые в историографии проведён комплексный анализ этих данных, который позволил дать структурное описание знати и военных слуг как социальных групп и показал их значение как ведущего, наиболее динамичного и мощного элемента средневекового общества;

– пересмотрены понятия, в которых описывалась до сих пор верхушка общества Руси, и предложен новый взгляд на социально-политическую структуру. Впервые было последовательно обосновано применение понятия *элита* относительно древнерусского общества, введено новое для отечественной историографии понятие *большая дружина*, причём существенно уточнено и ограничено содержание древнерусского и современного научного понятия *дружина*;

– показано, что уже в X в. общество Руси было сложным и иерархичным, далёким от «общинности», которую в нём видят некоторые историки. Элита этого общества состояла из знати, военных слуг и торгово-финансовой верхушки городского населения. Удалось проследить определённую эволюцию знати и военных слуг как социальных групп с учётом их статуса, отношений со светской властью (князьями). Фиксация этой эволюции позволяет лучше понять изменения, которые переживало динамично развивавшееся государство руси, переходя от военно-даннических механизмов управления и эксплуатации к более совершенным;

– обращение к опыту европейской медиевистики, накопленному за последние десятилетия и мало известному в русскоязычной историографии, и стремление, последовательно проведённое в работе, поставить данные древнерусского происхождения в широкий сравнительно-исторический контекст привели к заключению о принципиальной сопоставимости процессов и механизмов социальной дифференциации и иерархии в Древней Руси и европейских раннесредневековых государствах, особенно в Центральной и Северной Европе.

Научно-практическая значимость работы. Материалы исследования, применённые методики и полученные результаты могут быть использованы в научной и преподавательской деятельности, в частности, при дальнейшей научной разработке истории средневековой Руси, создании учебных и лекционных курсов, а также написании научно-популярных работ по истории России и Европы. Новое исследование важнейших

элементов социально-политической структуры Древней Руси в общеевропейском контексте может быть использовано специалистами разного профиля, задавшимися вопросом о месте и роли России в европейской и мировой истории, и станет вкладом в изучение процессов и механизмов государствообразования и социальной динамики в доиндустриальную эпоху.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась в Центре по истории Древней Руси Института российской истории РАН и была рекомендована к защите. По теме диссертации изданы монография (издание поддержано грантом РГНФ), раздел в коллективной монографии (издание поддержано грантом РГНФ) и 39 научных публикаций общим объемом 87,5 а.л. на русском, английском, немецком и чешском языках. В период между 2000 и 2012 гг. ход и результаты исследования излагались в научных докладах автора и многократно обсуждались в Институте российской истории, Московском государственном университете им. Ломоносова, Кёльнском Университете им. Альберта Великого, на 14 международных конференциях, 4 общероссийских конференциях, а также на ряде научных семинаров, круглых столов и заседаний научных обществ в России и за рубежом. На основе данного исследования был разработан спецкурс «Элита Древнерусского государства (X–XIII вв.)» (Исторический факультет МГУ им. Ломоносова, 2011–2012 учебный год).

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования**:

1. Общество Руси в X – первой трети XII в. представляло собой сложную и в то же время цельную иерархичную систему с социально и функционально дифференцированными элементами. В нём можно выделить элиту согласно следующим критериям: 1) преимущественный доступ к публичной власти и господство в частноправовом порядке, 2) концентрация имущества и богатств (капитала), 3) обладание социальным авторитетом (престижем).

2. Совокупность всех вместе этих признаков указывает на знать (другие группы в элите могут обладать лишь одним–двумя признаками). На Руси знать оформилась в конце X – на-

чале XI в. как социальная группа под названием бояр. Помимо знати (бояр) к элите Руси X – начала XII вв. можно причислить также княжеских военных слуг (отроков/гридей) и богатейших горожан (купцов/нарочитых мужей). В этой элите военные функции выполняли, главным образом, бояре и гриди, а политические – преимущественно одни только бояре; поэтому можно сказать, что в диссертации речь идёт о военно-политической элите Руси.

3. Понятие *элита* предпочтительнее понятия *дружина*, которое широко используется в отечественной историографии в описании социально-политической структуры Древней Руси. Термин *дружина*, если отталкиваться от принятого в мировой исторической науке словоупотребления и сравнительно-исторических аналогий, подходит скорее для обозначения архаических военизированных объединений в до- и предгосударственную эпоху, в которых иерархические отношения лишь намечались, но ещё не стабилизировались. Он может использоваться ещё в словосочетании «большая дружина», указывая на специфическую форму военной организации, которая выросла из архаических «частных» или «домашних» дружин, но приобрела особые черты в условиях раннегосударственных трибутарных отношений (то есть системы господства, основанной на данническом подчинении в результате завоевания).

4. В X в. слой знати на Руси чётко ещё не выделился; не было и терминологической устойчивости в его определении. Во многом это было связано с тем, что не оформилась ещё централизованная политическая организация Руси. В XI в. единственными легитимными правителями Руси стали князья, представлявшие уже только одну династию Рюриковичей, а социальный слой знати (бояр) составили, в основном, люди, которые были связаны служебными обязательствами с Рюриковичами. Личные отношения с князем, без которых доступ в правящий слой не был возможен, понимались как взаимная поддержка по соглашению, а не безусловная верность в силу неких идеальных (религиозных) принципов и императивов. Бояре сохраняли известную самостоятельность по отношению к князьям, и об этом свидетельствует, в частности, наличие собственных военных слуг в их распоряжении. Уже с конца X в.

фиксируется наследственность в передаче служебного и социального положения в среде знати, хотя боярский статус можно было приобрести и с помощью княжеского патроната. Этот статус в X–XII вв. не гарантировался письменными законами, но держался в силу обычноправовых привилегий и фактического могущества.

5. Вторым по значимости элементом элиты Древнерусского государства в X–XI вв. были княжеские военные слуги, для которых существовал специальный термин – *гридь*. Содержание правителями такого рода корпусов профессиональных воинов, которых и называют «большой дружиной», было распространённой практикой в государствах северной и центральной Европы X–XI вв. Роль этих воинов была велика на этапе, когда политическая структура развивалась из трибутарных отношений, но уже в XII в. они исчезают или перерождаются. Процесс трансформации этой группы хорошо прослеживается на древнерусских источниках XII–XIII вв.

6. Эволюция элиты Древнерусского государства отражает и помогает лучше понять эволюцию самого этого государства. На раннем этапе размытость и аморфность элиты соответствует незавершенности политической структуры. Оформление слоя знати и подъём значения корпуса княжеских военных слуг совпало – очевидно, неслучайно – с важным этапом становления государственных институтов в конце X – начале XI в. в правление Владимира Святославича. В течение XI в. военнотрибутарные отношения сохраняли значение, и с ними сохраняли значение княжеские гриди/отроки. К концу XI в. наблюдается явный кризис этих отношений и, соответственно, распад военных корпусов на содержание князей. В XII в. боярство, которое и до того было главной социально-политической силой в древнерусском обществе, ещё усиливается, и это усиление стоит в прямой связи с изменением механизмов сбора, концентрации и распределения ресурсов, ростом новых центров и политическим распадом Киевской Руси.

Структура работы определяется задачами и логикой произведённого исследования. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, библиографического списка и списка сокращений летописных памятников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** поставлена научная проблема исследования, обосновывается актуальность темы, указываются объект и предмет, цель и задачи исследования, его хронологические рамки, степень научной разработанности, источниковая база, методология, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы.

В **главе I «Историография и источники»** представлены развитие суждений историков по теме исследования и использованные источники.

В **параграфе 1** даётся подробная, с анализом конкретных работ учёных, характеристика нескольких этапов развития историографии темы, выделенных выше. Научную разработку темы начали в 1840–1850-е гг. М.П. Погодин, С.М. Соловьёв, И.Д. Беляев, Н.И. Костомаров и другие историки¹¹, а продолжили в 1870-е гг. Н.П. Загоскин, И.А. Порай-Кошиц, Н.И. Хлебников, М.Т. Яблочков и др.¹²

В этих работах для характеристики высших социальных слоёв Древней Руси, приближенных к князьям, широко применялось понятие *дружина*. Была выдвинута мысль об изначальном существовании «дружинных» бояр и «земских», которые лишь со временем – приблизительно в XII в. – сливаются в одну группу (класс). Русская история рассматривалась с точки зрения взаимодействия власти (правителя) и народа (общины). «Государственная школа» делала больше акцент на «власти», определяя все социальные слои, в том числе и высшие, как служебные по отношению к правителю. Историки, настроенные в славянофильско-народническом духе, «креативное» начало приписывали «народу». Но тезис, что знать в Древней Руси не составляла привилегированный наследственный слой и

¹¹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. [М., 1846]. Т. III; М., 1856. Т. VII.; Беляев И.Д. О дружине и земщине в Московском государстве // Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1849. Кн. 1. С. 1–22; Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 1–2 // Соловьёв С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. I (1-е изд.: 1851 г.).

¹² Хлебников Н.И. Общество и государство в до-монгольский период русской истории. СПб., 1872; Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. 862–1796. СПб., 1874; Загоскин Н.[П.] Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской России. Казань, 1875; Яблочков М.[Т.] История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

не играла самостоятельную роль в социально-политической жизни, был общим для обоих течений мысли.

Развитие исторической науки в конце XIX в. поставило под сомнение эти схемы, и историки стали прибегать к новым понятиям и моделям. Например, В.О. Ключевский ввёл понятие «военно-промышленный класс» («торговая аристократия»), который, по его мнению, стоял у истоков государства руси в IX–X вв.¹³ В.И. Сергеевич, фактически отказавшись от понятий «дружинной» и «земской знати», разделял боярство, поступавшее на «вольную службу» к князьям, как самостоятельную общественную силу, и «класс придворных слуг»¹⁴. А.Е. Пресняков, напротив, попытался разработать научное понятие дружины. Он представлял её как общеевропейское явление, из которого развились государственные институты под покровом «княжого права»¹⁵. Н.П. Павлов-Сильванский впервые последовательно представлял древнерусское общество как феодальное, в котором вассально-ленные отношения развились из дружинного принципа верности¹⁶.

В СССР с 1930–40-х гг. разрабатывалась марксистская теория «формаций». Б.Д. Греков и С.В. Юшков зачисляли Древнюю Русь в «феодальную формацию», в которой боярство представало господствующим классом землевладельцев¹⁷. Роль боярства в советской историографии часто оценивалась в негативном ключе – как эксплуататорская и анти-централизаторская¹⁸.

Такого рода оценки и, в особенности, тезис о раннем зарождении вотчинного землевладения не были поддержаны в литературе 1960–2000-х гг. В некоторых работах развивается

¹³ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902. С. 15–70 (1-е изд.: 1882 г.); *Он же*. Курс русской истории. Часть I // *Он же*. Сочинения в девяти томах / Под ред. В.Л. Янина. М., 1987. Т. I. С. 174–175, 250–253 (1-е изд.: 1904 г.).

¹⁴ Сергеевич В.И. Древности русского права. М., 2007. Т. I. С. 454–458 (1-е издание: 1890 г.).

¹⁵ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подг., статьи и примеч. М.Б. Свердловва. М., 1993. С. 3–254 (1-е изд.: 1909 г.).

¹⁶ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988 (1-е изд.: 1910 г.).

¹⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь / Отв. редактор Л.В. Черепнин. [6-е изд.] М., 1953 (1-е изд.: 1939 г.); Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства (=Курс истории государства и права СССР. Т. I). М., 1949.

¹⁸ См., например: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 428–430, 448, 469–479.

идея о «вассалитете» и «договорном» начале в отношениях князя и знати в домонгольской Руси, фактически в продолжение старой мысли о «вольной» боярской службе¹⁹. Но в большинстве работ последних десятилетий (А.А. Горского, М.Б. Свердлова, Н.Ф. Котляра, П.П. Толочко и др.) наблюдается возврат к идеям Преснякова и других представителей «государственной школы», которые не представляли себе элиты на Руси вне «дружинно-служилой» организации²⁰. Особняком стоит концепция древнерусского общества как «общинности без первобытности» И.Я. Фроянова, который не признаёт в домонгольской Руси знати как особого социального слоя; в его суждениях сказываются отголоски «общинно-вечевой» теории второй половины XIX в.²¹ К сожалению, в российской (а также украинской и белорусской) науке недостаточно учитывается европейская историография, в которой отразились и результаты конкретно-исторических исследований, и новые подходы. Например, немецкие историки У. Хальбах и Х. Рюсс попытались применить новые взгляды к изучению древнерусской знати²².

В **параграфе 2** подробно говорится о специфических чертах источников, использованных в работе, и методах работы с ними.

В основе исследования лежат известия так называемого «начального летописания», сохранившиеся, главным образом, в составе Новгородской 1-й летописи старшего и младшего

¹⁹ Пацуро В.Т. Черты политического строя // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76; Мининкова Л.В. Отношения сюзеренитета-вассалитета домонгольской Руси: Историография. Источники. Право. Социокультурный феномен. Ростов-на-Дону, 2005.

²⁰ Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989; *Он же*. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 95–114; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; *Он же*. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 173–177, 265–267, 411–418; *Он же*. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. С. 10–98; Котляр М.Ф. Княжа служба в Київській Русі. Київ, 2009; Котляр М.Ф., Ричка В.М. Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. Київ, 2008; Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011.

²¹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999 (та же книга в сокращённом виде выходила в 1974 г. под заглавием «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории»); *Он же*. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.-СПб., 1995; и др.

²² Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruß. Stuttgart, 1985; Rüß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17 Jh. Köln, Weimar, Wien, 1994.

изводов (далее – Н1Лс и м)²³, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (и близких им)²⁴, а также отчасти летописей группы «Новгородско-Софийского свода» – Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Новгородской Карамзинской²⁵ – и некоторых других. Важнейший и наиболее известный памятник начального летописания – «Повесть временных лет» (ПВЛ).

На примере ПВЛ хорошо видны трудности работы с летописями. Она была создана в начале XII в., но дошла до нас в разных видах в летописных списках, самый ранний из которых датируется 1377 г. С другой стороны, её создание отстоит от событий истории Руси конца IX–X в. на полтора-два столетия. В описании этих событий в ПВЛ очевидны и легендарность, и всякого рода неточности. Без учёта летописеведческих работ использовать данные ПВЛ для исторических заключений нельзя.

Главные достижения в изучении раннего летописания связаны с именем А.А. Шахматова. Он показал, что ПВЛ дошла до нас в разных версиях и что эти версии отражают несколько её редакций (он насчитывал три редакции). Он выдвинул идею, что ПВЛ – это более поздний этап летописания по сравнению с летописным сводом, созданным в 1090-е годы в Киеве и отразившемся в общих чертах в Н1Лм. Этот свод он условно назвал «Начальным». Другая идея, продолжая первую, утверждала существование и других этапов летописания, предшествующих «Начальному своду»²⁶.

Несмотря на критику идей и выводов Шахматова, раздающуюся и сегодня²⁷, они получили многостороннее развитие в работах исследователей, воспринявших подход Шахматова, – М.Д. Присёлкова, А.Н. Насонова, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, Д.С. Лихачёва, Я.С. Лурье, О.В. Творогова и др. Под-

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

²⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Изд. Е.Ф. Карский. Л., 1926; т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / А.А. Шахматов. СПб., 1908; т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.

²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Часть 1. Новгородская 4-я летопись. Вып. 1–3. Пг.-Л., 1915–1929; Т. 5. Софийская 1-я летопись. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1925; Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

²⁶ См.: Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. I. Кн. 1–2.; СПб., 2011. Т. II.

²⁷ См., например: Ostrowski D. The Načal'nyj Svod Theory and the Povest' Vremennyx let // Russian Linguistics. Vol. 31 (2007). № 3. P. 269–308.

креплены эти идеи были в недавних работах А.А. Гиппиуса, применившего лингвистические методы²⁸.

Сегодня вокруг шахматовской реконструкции начального летописания ведутся оживлённые дискуссии, но есть несколько бесспорных моментов, важных для данного исследования. Во-первых, Н1Лм и списки ПВЛ представляют повествование до начала XI в. в двух версиях, которые явно связаны друг с другом, но при этом во многих местах существенно расходятся. Как бы не объяснять происхождение этих двух версий, ясно, что они отражают летописание XI в., а значит, их сравнительный анализ является необходимым элементом описания древнейшей истории Руси. Во-вторых, в известиях Н1Лм за XI в. летописание, предшествующее ПВЛ, представлено в отрывках, и здесь возможности реконструкции первоначального текста ограничены. Опираясь приходится, в основном, на ПВЛ, а также отчасти на некоторые уникальные (но достоверные) известия летописей группы «Новгородско-Софийского свода»²⁹. В-третьих, ПВЛ не является целостным текстом, невредимо дошедшим до нас. Те разночтения в списках, на которых построена концепция Шахматова о трёх редакциях ПВЛ, бывают весьма существенны и должны учитываться в историческом анализе.

В данной работе привлекаются помимо летописи разные источники X–XI вв., в том числе иностранного происхождения, но первое место в их ряду занимают древнейшие международные договоры Руси – заключённые с Византией в 911, 944 и 971 гг.³⁰ Данные договоров сопоставляются с известиями

²⁸ См.: Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 [16]. С. 3–72; *Он же*. **Рёкшош дръжжина Игоревн**... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. Vol. 25 (2001). No. 2. P. 147–181; *Он же*. К проблеме редакций Повести временных лет. I // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 20–44; *Он же*. К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение*. 2008. № 2. С. 3–24; *Он же*. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 2 (20). С. 143–199; *Он же*. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*... С. 37–63; и др.

²⁹ См.: Гимон Т.В. События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования*: 2010. М., 2012. С. 584–703.

³⁰ См. критическое издание договоров: *Памятники русского права*. М., 1952. Вып. 1: *Памятники права Киевского государства X–XIII вв.* / Составитель А.А. Зимин.

о руси в современных им трактатах Константина Багрянородного³¹, и это сопоставление заставляет с меньшим доверием воспринимать сведения начального летописания.

Среди древнерусских не-летописных текстов особенно важны данные Жития Феодосия Печерского, написанного Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря в конце XI или, может быть, в самом начале XII в. и сохранившегося в списке второй половины XII – начала XIII в.³² Привлекаются произведения «Борисоглебского цикла» и другие агиографические тексты. Новая интерпретация предлагается для оценки свидетельств «Русской Правды», особенно её «Краткой редакции», составление которой, согласно общепринятому мнению, датируется XI в.³³

Глава II «Понятие дружины в историографии» посвящена литературе о дружине. В **параграфе 1** разбирается зарубежная литература, главным образом, немецкоязычная, в которой понятие дружины разрабатывалось преимущественно на данных о древних германцах в сопоставлении с данными о раннесредневековых государствах германских народов. В **параграфе 2** представлены работы, касающиеся дружины у раннесредневековых славянских народов, – в основном, польских, чешских и русских авторов.

В немецкой историко-юридической науке XIX в. дружине придавалось важное историческое значение как основополагающему социально-правовому учреждению в истории германских народов от античности до высокого Средневековья. В основе дружинных отношений видели особый этос – специфическую германскую верность, и с ним связывали происхождение вассально-ленных отношений и вообще средневековой государственности. В середине XX в. от идеи германской верности отказались, дружина была признана интернациональным явлением, а её историческое значение стали видеть в качестве важ-

³¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991; Новиков Н.Е. Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 (перевод, комментарий) // KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова / Ред. М.В. Грацианский, П.В. Кузенков. М., 2006. С. 318–363.

³² Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 71–135.

³³ Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1940–1947. Т. I–II.

нейшего элемента системы «господства знати». Теория «господства знати», разработанная Г. Данненбауэром, Г. Миттайсом и др.³⁴, порывала с идеями «племенной демократии» и исконности общины, признавая ведущую роль знати у народов Европы как в эпоху античности, так и в период Средневековья.

Теория «господства знати» оказала большое влияние на французскую и англоязычную медиевистику, хотя была поддержана далеко не во всём. В частности, массивной критике было подвергнуто понятие дружины, разработанное немецкими медиевистами В. Шлезингером и Р. Венкусом³⁵. Эти учёные понимали дружину как объединение вокруг вождя или господина, в котором отношения строились не на принципах господства и подчинения, а «дружбы» и «милости» с особой эмоциональной связью. Критики указывали на широту этого определения³⁶, и многие историки вовсе отказались от понятия дружины, считая, что оно теряется в широком спектре клиентельных и товарищеских отношений раннего Средневековья.

Новые смыслы этому понятию пытаются придать этнологи, ставящие дружину в контекст архаических представлений о даре, сакральных ценностях, связи мира живущих и мёртвых³⁷. Благодаря трудам Х. Ловмянского и Ф. Грауса, которые скорректировали понятие дружины, разработанное на германских материалах, и применили его к славянским народам³⁸, оно продолжает использоваться в, соответственно, польской и чешской медиевистике.

³⁴ *Dannenbauer H.* Adel, Burg, und Herrschaft bei den Germanen // *Historisches Jahrbuch*. Bd. 61 (1941). S. 1–50; *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnszeitalters. Weimar, 1940.

³⁵ *Schlesinger W.* Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // *Schlesinger W.* Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche. Göttingen, 1963. S. 9–52 (1-е изд.: 1953 г.); *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen *gentes*. Köln etc., 1961.

³⁶ См., прежде всего: *Kuhn H.* Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung*. Bd. LXXIII (1956). S. 1–83.

³⁷ См., например: *Enright M.J.* Lady with a Mead Cup: Ritual, Prophecy and Lordship in the European Warband from La Tène to the Viking Age. Dublin, Portland, 1996; *Bazelmans J.* By Weapons Made Worthy. Lords, Retainers and Their Relationship in Beowulf. Amsterdam, 1999.

³⁸ *Graus F.* Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // *Československý časopis historický*. Roč. XIII (1965), číslo 1. S. 1–18; *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. Warszawa, 1970. T. IV.

В современной историографии одного общепринятого понятия или концепта дружины не существует, и большинство историков, уклоняясь от точных определений, говорят об «объединениях дружинного типа» в архаических обществах и понимают под этим нечто близкое к классическому описанию германской дружины, данному римским историком I в. Тацитом. В основе этих объединений лежала бытовая близость вождя и членов группы между собой, а целью их была военно-грабительская деятельность. Эта дружина в «собственном (узком, научном) смысле слова» распадается или кардинально перерождается, когда размытые и неустойчивые иерархические отношения, ещё не подавившие уравнивательные принципы и представления, начинают укрепляться и стабилизироваться (что соответствует развитию государственности).

В русской историографии научную разработку понятия дружины дали А.Е. Пресняков и Н.П. Павлов-Сильванский. Оба опирались на труды немецких и, отчасти, французских медиевистов второй половины XIX – начала XX в., принимая тезис о принципиальной роли дружины в становлении структур власти и господства, но отказываясь от тезиса о её германской специфике. Несмотря на определённые различия в подходах и концепциях оба понимали дружину как институт (объединение служилых людей князя) и указания на этот институт видели в большинстве упоминаний «дружины» в древнерусских источниках XI–XIII вв. В «феодальной» концепции Б.Д. Грекова и С.В. Юшкова дружина понималась как явление догосударственное и ей отводилась второстепенная роль, а главный фактор образования и развития государства на Руси они видели в становлении «класса феодалов» (знати). В работах современных русскоязычных авторов наблюдается скорее возврат к идеям Преснякова, и широко распространено представление о дружине как некоей организации или корпорации в Древней Руси. Не учитывается тот факт, что взгляды, принятые в науке в конце XIX – начале XX в., на которые опирались Пресняков и Павлов-Сильванский, позднее в зарубежной историографии были кардинально пересмотрены и что подход Грекова и Юшкова, в сущности, находился в русле развития западной медиевистики, сделавшей акцент на «господстве знати».

Дискуссии вокруг понятия дружины показывают, что научное понимание этого явления может сильно отличаться от смыслового наполнения древнего слова. На вопрос, что же, собственно, обозначало слово *дружина* в древнерусских текстах XI–XII вв., отвечает исследование в **главе III «Древнее слово дружина»**.

Анализ начинается в **параграфе 1** с «предыстории» слова – то есть рассматриваются его упоминания в текстах старославянских (кирилло-мефодиевского круга) и церковнославянских (болгарских и чешских) X–XI вв. Делается вывод, что изначальное широкое значение ‘спутники, товарищи, свои (люди)’, в котором слово *дружина* выступает в памятниках кирилло-мефодиевского круга, позднее специфицировалось в разных (новых) контекстах. В болгарских и чешских текстах оно уже иногда обозначает ‘соратников’ (то есть выступает с военными коннотациями), а также указывает на окружение правителя, получая некое политическое содержание. Но это военное или политическое содержание весьма расплывчато и неустойчиво. Слово постоянно как бы возвращается к своему основному, широкому и социально нейтральному значению. В одном из этих текстов – во «2-м старославянском Житии Вячеслава (Вацлава)» – при указании на княжеское окружение оно имеет в виду как вообще всех людей, связанных с князем, так и только отдельные группы среди них, то есть употребляется метонимически.

Если лексема *дружина* указывала на некую организацию, то надо было бы ожидать появления в источниках какого-то слова, предпочтительно этимологически родственного, обозначающего одного члена-представителя этой организации. В таком духе некоторые авторы пытались трактовать несколько упоминаний слова *друг* в старо- и церковнославянских текстах. Лишь в одном случае – упоминание «другов» в Востоковской редакции «1-го Старославянского жития Вячеслава» – эти трактовки имеют некоторые основания. Однако и это упоминание надо скорее признать либо случайным (ошибочным) чтением, либо обозначением особой категории зависимых людей в Древней Чехии (*druhones*), не связанным с историей слова *дружина*. В древнерусских памятниках *друг* не фиксируется

в значении ‘член дружины’, а слово *дружинник*, появляясь в источниках с начала XVI в., в таком значении выступает лишь в трудах историков XIX в.

В **параграфе 2** для терминологического анализа применяются методы и результаты текстологических исследований древнерусских летописей. Отдельно рассматривается употребление слова *дружина* в начальной части Н1Лм (за IX–X в.), в которой, согласно шахматовской схеме, лучше отразилось летописание XI в., предшествовавшее ПВЛ, и отдельно – примеры из ПВЛ, а также некоторые наиболее показательные случаи использования слова в летописях и других источниках XII–XIII вв.

Делается вывод, что лексема выступает собирательным понятием и не теряет древнее значение ‘спутники, товарищи’, но это значение иногда сужается, и в некоторых случаях можно говорить о появлении новых значений. В летописании XI–XII вв. можно выделить ещё два значения: ‘войско’ и ‘княжеское войско/княжеские люди’. Насколько устойчивы и широко распространены были эти значения в устной речи, судить трудно. В летописном повествовании, сосредоточенном на деяниях князей, такая спецификация естественна. Но и в летописях слово могло приобретать особые смысловые оттенки также и в других контекстах, кроме «военно-княжеского». Так, *дружиной* обозначались люди под началом не только князей, но и бояр, или люди, выдающиеся по своему социальному положению, но не в прямом подчинении князей (например, новгородские бояре в конце XII в.).

В древнерусских источниках слово *дружина* тоже часто использовалось метонимически, но, кроме того, и с дополнительными пояснениями или определениями – «дружина лучшая», «передняя» и т. п. Именно потому, что слово имело слишком широкое и неопределённое значение, его надо было пояснять, когда речь шла о каких-то отдельных группах людей, составляющих в том или ином смысле и в той или иной ситуации какое-то единство. В этих пояснениях не прослеживается систематичности и последовательности, и они не отражают единой организации дружины как некоего института древнерусского общества. В частности, определения «старейшая» и «млад-

шая», несколько раз встречающиеся в летописи, в разных случаях имели разный смысл и не указывали на какие-то структурные части некоей «дружинной организации».

В древнерусском слове *дружина* нет оснований видеть *terminus technicus*, и ни в одном из зафиксированных за ним значений оно не указывало на какие-то конкретные институты и структуры. Даже в значении ‘княжеское войско/княжеские люди’ оно указывало лишь вообще на людей, связанных с князем или оказавшихся с ним в тот или иной момент, то на всех вместе или на их большинство, а то на какие-то отдельные, каждый раз случайные, их части. Понять, какие конкретно люди имелись в виду в том или ином упоминании под «дружиной», можно только по контексту этого упоминания, и в разных случаях это могут быть очень разные люди.

Группы и структуры в среде людей, собиравшихся при княжеских дворах, обозначались не словом *дружина*, а другими более точными и конкретными названиями. И для тех двух групп, которые были выбраны объектом данного исследования, были специальные названия.

В **главе IV «Княжеские военные слуги: отроки/гридь»** рассматриваются данные об одной из этих групп – княжеских воинах, которые обозначались либо славянским словом *отроки* (в древнем значении ‘слуга’), либо заимствованным из древнескандинавского языка термином *гридь*. Понять социально-политическое значение этой группы помогает идея чешского историка Ф. Грауса о «большой дружине» как определённой стадии в развитии института дружины. В **параграфе 1** рассматриваются данные, происходящие из древних Польши и Чехии, на которые опирался Граус, и они сравниваются с другими свидетельствами из Европы раннего и высокого Средневековья, прежде всего, из Скандинавии.

Развивая идею чешского историка, автор предлагает понимать под «большой дружиной» корпус профессиональных воинов, которых содержали правители прямыми денежными выплатами и которые насчитывали сотни и даже, возможно, тысячи людей. «Большие дружины» выросли из древних «домашних» дружин в условиях ранних государств, основанных на механизмах даннической (трибутарной) эксплуатации. Кор-

ректируется идея Грауса: по его мнению, «большая дружина» охватывала практически весь высший социальный слой того или иного государства; в действительности, как показывает сравнение в более широкой перспективе, параллельно этим корпусам сохранялась группа знати, причём в распоряжении представителей последней были и их собственные дружины и клиенты (хотя и малочисленные по сравнению с корпусами «профессионалов» на службе правителя).

Следы «большой дружины» можно обнаружить в ранне-средневековых государствах Европы (в том числе, например, во Франкской империи, где воины правителя были известны под названием *trustis dominica*), но наибольшее развитие этот институт получил в политиях Центральной и Северной Европы в период с середины X до середины XI в. Эти политии пережили один и тот же этап становления, когда мотором и в то же время главной формой государственности был поиск и сбор/захват добычи и дани. «Большие дружины» обеспечивали добычу и дань, но были и главными потребителями этих «сверхдоходов». Кризис этой системы эксплуатации и концентрации ресурсов был в какой-то момент неизбежен, и тогда этот институт изживал себя.

Приблизительно в это же время фиксируются аналогичные корпуса профессиональных воинов и на Руси, которая, очевидно, переживала тот же этап развития, когда государственные структуры формировались как трибутарные. Хронологически первое место среди свидетельств о «большой дружине» на Руси, которые анализируются в **параграфе 2**, занимает известие арабского путешественника ибн Фадлана, относящееся к 920-м гг., о 400 воинах на службе правителя Руси. Последнее из этих свидетельств относится к 1093 г., когда, согласно летописи, у киевского князя на службе состояли 800 отроков. С полноценным функционированием этого института надо связывать завоевательные походы киевских князей Игоря, Святослава Игоревича, Владимира Святославича и его сына Ярослава и тот факт, что каждому из них удавалось удерживать под своей властью обширные области на территории Восточной Европы.

На Руси кризис трибутарной системы не был столь ярко выражен, как в Польше и Чехии, переживших крупные потрясения в первой половине XI в. Вероятно, это было связано с тем, что размеры и ресурсы подвластной Рюриковичам территории были сравнительно больше и процесс «окняжения» слабо освоенных земель продолжался в течение всего XI в. Причиной падения значения корпусов княжеских военных слуг в конце XI в. были, видимо, не столько исчерпание «сверхдоходов» от дани и добычи, сколько подъём могущества знати (боярства) и рост локальных центров производства и перераспределения ресурсов. Именно в столкновении со знатью обозначается кризис этих княжеских корпусов, как показывает сопоставительный анализ статьи ПВЛ под 6601 (1093) г. и «Предисловия» к «Начальному своду» – текстов, принадлежащих одному кругу идей и, вероятно, одной руке.

Важным дополнением к идее Грауса является вывод, что «большая дружина» не исчезла полностью и бесследно с прекращением грабительских походов и внешних завоеваний, а трансформировалась и в преобразованном виде продолжала существовать в странах центрально-восточной Европы и на Руси вплоть до XIII в. Сопоставление отрывочных данных, происходящих из Чехии и Венгрии, и анализ эволюции древнерусского термина *гридь* показывает, что осколками «большой дружины» в XII – первой половине XIII в. были немногочисленные (в несколько десятков человек) объединения военных слуг в непосредственном окружении правителя, а также гарнизоны (по отдельности тоже, видимо, немногочисленные), размещённые в крепостях для защиты подвластной территории. Содержались эти объединения уже, вероятно, не столько за счёт денежного жалованья, сколько благодаря продуктам и услугам «служебной организации» и земельным дачам. Они составляли некоторый противовес знати, но в военном отношении имели более или менее второстепенное значение. После середины XIII в. эти воины вливаются в низшие слои знати.

Задача исследования в **главе V «Формирование знати как социальной группы»** – понять, кто составлял знать как социальный слой на разных этапах развития Древнерусского госу-

дарства и в какой связи её представители находились с другими общественными элементами.

На Руси знать уже относительно вскоре после образования государства (сравнительно с другими странами раннесредневековой Европы) обрела собственное название. Этим названием стало слово *бо(л)ярин* (мн. ч. – *бо(л)яре*), анализу употребления которого в ранних славянских и древнерусских текстах посвящён **параграф 1**. Это слово, заимствованное в древнерусский язык, видимо, из Болгарии, укоренилось потому, что в этом языке не было слова, подходящего для обозначения новой социальной реальности. Для обозначения человека, выдающегося по социальному положению и приобщённого к высшей политической власти, слово *бо(л)ярин* употребляется в источниках, созданных на Руси в XI в.

Как показывается в **параграфе 2**, в договорах руси и греков 911 и 944 гг. слово *бояре* употребляется наравне со словом *князья* для перевода одного греческого слова *ἄρχοντες* и обозначает лишь очень узкий правящий слой руси – предводителей или quasi-правителей, возглавлявших какие-то территории в составе «Русской земли» и признававших верховную власть киевского князя. В середине X в. их было 24 человека (не считая киевского князя). В эту эпоху употребление слова *бо(л)ярин* ещё не устоялось, и его содержание не вполне определилось. В договоре 944 г. те, кого позднее стали называть боярами, выступают как посланники князей/бояр («архонтов»). В оригинальных древнерусских источниках никаких намёков на существование этих «архонтов» не обнаруживается. Видимо, в правление Владимира Святославича устанавливается социально-политическая структура, сохранявшаяся очень долго, – князья одного рода выступают правителями «под рукой» «старейшего» в роду, но фактически (полу-)независимо, а опираются на элиты, которые концентрировались в ряде городских центров. В XI в. крупнейшим таким центром был Киев.

Эти локальные элиты составляли одну элиту в рамках всего Древнерусского государства. В **параграфах 3 и 4** обосновывается применение понятия *элита* и определяется место боярства в этой элите с опорой на комплексный анализ разных источников – летописных, агиографических текстов, эпиграфики и др.

Элита Древнерусского государства в XI в. состояла из трёх главных элементов – знати (боярства), городской верхушки (купцов/гостей) и воинов на содержании князей (гридей/отроков). Место последних в элите было обусловлено только их особым военным значением и относительной многочисленностью, и позднее они теряют это место. Городская верхушка выделялась главным образом своей экономической ролью, и лишь в кризисные моменты, в ситуации вакуума власти, она, вставая во главе городского веча, могла выступать и политически значимой силой.

Значение боярства было заметно по разным параметрам – и в экономическом плане, и в военном, и, главное, в политическом. Это был определённый социальный слой древнерусского общества, который обладал рядом признаков и выполнял ряд функций, присущих преимущественно или исключительно ему. Боярами обозначались люди, наиболее выдающиеся по сравнению с остальным населением и в то же время занимающие подчинённое положение по отношению к князьям, которые на Руси в XI в. могут быть только из рода Рюриковичей и власть которых как правителей признаётся единственно легитимной. В источниках бояре выступают как люди богатые; многие из них, если не все, служат князьям на войне и в управлении, участвуя в принятии важнейших военно-политических решений; в силу своего положения (а не личных качеств) они пользуются особым уважением в обществе; наконец, у них есть власть над другими людьми. Последнее обстоятельство особенно важно, и в работе специально собраны все данные о военных слугах бояр, которые обозначались теми же словами, что и княжеские – *отроки* и *дружина*. Нестор в Житии Феодосия Печерского определяет критерии выдающегося положения боярства как «слава и богатство» и обладание «властью».

Разные признаки, выделявшие боярство в особо выдающийся слой, были неразрывно связаны между собой. В историографии предпринимались попытки выделить по этим признакам – прежде всего, разделяя политическую роль и материальный достаток, – некие группы внутри этого слоя или даже два «параллельных» слоя знати: «земских/местных» и «служилых/дружинных» бояр. В частности, обращалось внимание на

умолчание «Русской Правды» о боярах, и боярам в том или ином смысле противопоставлялись «княжие мужи», упомянутые в её «Пространной редакции». Однако эти попытки не представляются убедительными. Политическое значение бояр, то есть доступ к доходным должностям, было неотделимо от экономического превосходства – одно было одновременно условием и следствием другого. «Русская Правда» упоминает о повышенных вирах, в основном, для тех категорий населения, которых хотели защитить князя; бояре же и так были защищены обычным правом. Выражение «княжой муж» не имело какого-то особого смысла и обозначало просто людей, занятых на княжеской службе (как бояр, так и других).

Никаких местных вождей или общинных лидеров ни под именем бояр, ни под другими обозначениями мы не видим. Те представители знати, которые упоминаются по именам, все указываются в источниках как состоящие на службе князьям – от киевского воеводы Свенельда, хорошо известного по летописным рассказам о событиях середины X в., до не менее известного Яня Вышатича, киевского боярина в конце XI – начале XII в. Вместе с тем, не следует абсолютизировать служебные отношения бояр с князем, отрицая, например, что у них могли возникать какие-либо привязанности к той местности, где они жили. Например, в рассказе ПВЛ о событиях 1018 г. в Новгороде бояре бесспорно выступают как часть городской общины.

В параграфе 5 на основе специально отобранных наиболее достоверных данных, поставленных в сравнительно-исторический контекст, предпринимается попытка определить численность боярства в домонгольское время. Автор заключает, что на рубеже XI–XII вв. в Киеве насчитывалось не более 3-4 сотен бояр, а общее число бояр на Руси едва ли превышало тысячу; вместе бояре и княжеские военные слуги (отроки/гриди), представлявшие военно-политическую элиту Руси, насчитывали несколько тысяч человек. О числе военных слуг бояр можно рассуждать только чисто гипотетически; известно только, что у виднейших бояр могло быть более 10–12 отроков.

Боярство находилось в постоянном взаимодействии и даже, можно сказать, союзе с княжеской властью. На каких принци-

пах был основан этот союз двух ведущих общественных сил Древнерусского государства, в каких идейных и символических формах выражался и как влиял на положение боярства как социальной группы – этим вопросам посвящена **глава VI «Отношения бояр и князей»**.

Как показывается в **параграфе 1**, князей и служащих им людей, в том числе и знать, связывало представление о взаимной верности. За «любовь» и «честь» со стороны князя его человек давал обязательство «сложить голову», и, судя по некоторым примерам, эти слова не были пустым звуком. Но за этой верностью не стояли какие-то специфические идеально-абстрактные представления или императивы (типа «германской верности», о которой писали немецкие историки XIX – первой половины XX в.). Идеальное содержание, которое просматривается в некоторых случаях выражения преданности князю со стороны его людей, происходило из чувства благодарности и обязанностей, которые накладывали услуги или благодеяния. Древние писатели всячески пытались возвысить это содержание (толкая его, естественно, в пользу князей) и опирались на «архетипические» образы, почерпнутые, в основном, из библейских текстов (например, предателя Иуды).

Идея, что надо быть верным князю просто потому, что он князь, появляется в общественно-политической мысли Руси относительно поздно – лишь к концу XII в., уже за хронологическими рамками данного исследования. Она обосновывается с помощью христианской теории богоустановленности власти; и с соотношением власти правителя с сакральными ценностями верность ему становится безусловной. В древнейшее же время о верности князю можно говорить только как условной или контекстуальной – то есть как о готовности оказывать поддержку в обмен на разного рода благодеяния, конкретные и определённые в каждом отдельном случае.

Бояре могли переходить со службы одного князя к другому, но такого рода перемены лояльности (адресата службы) происходили, в основном, под давлением внешних обстоятельств. Теоретически право свободного человека служить господину по собственному выбору не ставилось под сомнение. Но на практике это право имело разного рода ограничения – как

идеологические, так и материально-практического свойства, – и применялось редко. В этом смысле порядки X–XII вв. не отличались принципиально от порядков, известных по материалам XIV–XV вв. Отношения бояр и князей можно назвать условно-договорными, но было бы неправильно говорить о «боярской вольности», как писали историки XIX в.

В **параграфе 2** рассматриваются данные о службе отдельных бояр и преемственности службы отдельных боярских родов князьям какой-либо ветви Рюриковичей. Эти данные показывают, что обе стороны – и князья, и бояре – были заинтересованы в стабильности их отношений.

На протяжении всего рассматриваемого периода у знати сохранялся устойчивый интерес к княжеской службе. Эта служба приносила доступ к власти и гарантированный доход как от исправления должностей, так и от участия в крупных военных предприятиях. С древнейших времён есть примеры и переходов бояр из земли в землю с князем, и преемственности службы от князя-отца к князю-сыну или наследственной службы боярского рода одной княжеской ветви. В то же время параллельно этому интересу у знати проявлялось стремление к закреплению где-то в одном месте. Уже в XI в. есть примеры преемственности в местонахождении бояр, которые предпочитали остаться в городе, не связывая свою судьбу с определённым князем или ветвью Рюриковичей. В литературе это стремление обозначается как «оседание дружины» и связывается с развитием боярского землевладения.

Однако схема, предполагающая, что в более ранний период было больше «неоседлой вольности», а позднее «дружины» «оседают на землю» и не хотят «бродить» с князьями, в источниках не прослеживается. Как в древности, так и в позднее Средневековье были перемещения, но, в основном, люди предпочитали держаться насиженных гнёзд. Попытки уловить какую-то динамику – в какой-то момент больше мобильности, в какой-то меньше – не представляются убедительными.

Бояре могли оказаться заложниками межкняжеских отношений, логика и ход которых оказывались сильнее их желаний. Перегруппировки знати при смене князей сдвигали кого-то с насиженных мест и вовлекали в перемещения из земли в зем-

лю. В этих случаях преемственность в службе и преемственность в местонахождении противоречили друг другу.

Боярство в XI – первой трети XII в. формировалось и в силу княжеской протекции, и по наследственной передаче статуса. Статус не был юридически гарантирован и был обусловлен, в общем, фактическим доступом к власти и могуществом. Нельзя говорить о «сословности» боярства, и ротация в группах знати и княжеских военных слуг была, видимо, довольно высока. Княжеская протекция предоставляла шанс небогатым и незнатным людям продвинуться в верхи общества.

В **параграфе 3** делаются выводы о характере отношений правителя и знати в Древнерусском государстве на общеевропейском фоне. В историографии эти отношения объяснялись обычно двояким образом. В XIX в. их «архаизировали», осмысляя как «дружинное» «душевное товарищество». В XX в. более распространённой стала «феодалная» модель – отношения князя и знати представлялись как вассально-ленные, построенные на определённом порядке владения и пользования землёй.

Как показывает данное исследование, отношения князей и бояр в Древнерусском государстве, в целом, укладываются в модель «консенсуального господства» или «сотрудничества–напряжения», которая развивается в современной медиевистике применительно к отношениям правителя и знати в Европе раннего и высокого Средневековья. Эта модель предполагает, что конфликты и кризисы, которые происходили между этими и другими элементами общественной элиты, преодолевались в силу социальной динамики, создаваемой ротацией и мобильностью, свойственными этой среде, а также осознания представителями элиты общности интересов и включённости в общий «контекст господства».

В **«Заключении»** представлены основные выводы исследования. Предлагаются две схемы, представляющие верхние социальные слои древнерусского общества в двух хронологических срезах – на середину X в. и середину XI в.

Как доказывается в диссертации, этих слоёв (групп) было три: боярами называлась знать, гридями – профессиональные воины, состоявшие на содержании (жалованье) у князя, а

«купцами», «нарочитыми мужами», «старцами градскими», «старостами» и другими терминами – городская верхушка. Все вместе они – лучшие, выдающиеся представители общества, и совместно с князем они управляют этим обществом. Их можно обозначить *элитой*, имея в виду три признака, которые предлагаются в современной медиевистике для элиты как социальной категории: власть, богатство и престиж (авторитет). Распоряжение разного рода зависимыми людьми (власть в «частноправовом» порядке), имущественный достаток и общественное признание – эти черты были свойственны в той или иной степени всем трём указанным социальным группам. Но военные функции выполняли, главным образом, бояре и гриди, а политические – преимущественно одни только бояре. Участие в принятии важнейших политических решений и главная роль в исправлении публичной власти – это тот важнейший признак, который выделяет бояр в качестве *знати* (аристократии).

Под именем боярства уже в XI в. выступает такой слой, который по основным внешним параметрам вполне соответствует знати (нобилитету) раннесредневековых государств Европы до эпохи складывания рыцарского сословия. И нет оснований говорить о каких-то принципиальных разрывах или переломах в эволюции этого слоя в конце XI в. или в XII в. Дискуссия о том, была ли знать «дружинной» («служилой») или «земской» («местной») или существовали ли две разные знати, не представляется продуктивной. Слой знати был один, но его представители были связаны и с князем (служебными отношениями), и с местной городской средой (разного рода административными, экономическими и бытовыми контактами).

Представления, которые существуют в литературе вокруг понятия *дружина*, восходят к историографии XIX в. и связаны во многом с прямолинейным восприятием летописи учёными того времени. Данная работа показывает, что общество Руси в X – первой трети XII в. представляло собой сложную и дифференцированную систему, совсем не похожую на схемы, предполагающие некие «бродячие дружины», скользящие по поверхности «земской» или «родоплеменной» «толщи народной». Хотя о слоях этого общества нельзя говорить как о сословиях в полном смысле слова, но некоторые из них – прежде

всего, знать – уже в XI в. обрели устойчивость, пусть даже пока большей частью *de facto*, а не *de jure*. Трансформация элиты отражала эволюцию Руси от ранней трибутарной организации к развитому средневековому обществу, структурно соответствующему другим обществам Европы.

Понятие дружины неадекватно для описания социальной реальности Руси X–XII вв. В то же время явления, сущностные для феодализма (в каком бы то ни было его понимании) – сеньориальное землевладение и вассалитет, основанный на ленах, – на Руси и до середины XII в., и на протяжении всего домонгольского периода не получили полноценного развития. Специальный анализ вассальных ритуалов, предпринятый в работе, показал, что их суть и детали различались на Руси и в Западной Европе, хотя самое общее содержание – установление договорных отношений между господином и человеком, поступающим к нему на службу, – было, конечно, аналогичным. В этом (самом широком) смысле слова можно говорить о вассальных отношениях в среде древнерусской элиты.

Те аспекты формирования и общественной роли знати и группы княжеских военных слуг, которые были освещены в данной работе, демонстрируют аналогии с раннесредневековыми обществами Европы. Необходимы дальнейшие компаративные исследования, но в качестве предварительной гипотезы можно утверждать сходство боярства с тем классом знати, который предполагает «среднеевропейская модель», разработанная чешскими, польскими и венгерскими историками применительно к древним Чехии, Польше и Венгрии. Его представители живут, главным образом, за счёт исполнения государственных должностей и считают это своим законным правом. Роль частного землевладения в это время незначительная. Более уверенно можно утверждать, что для Руси, этих стран, а также скандинавского региона общим был институт профессиональных воинов на содержании правителя («большая дружина»), сыгравший важную роль в подъёме центральной (государственной) власти.

**Основные положения
и научные результаты диссертационного исследования
изложены в 41 публикации объёмом 90,85 а.л.**

Монография:

1. *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М.: «Индрик», 2012, 656 с. (31 а.л.).

Раздел в коллективной монографии:

2. *Стефанович П.С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269 (9,5 а.л.).

**Статьи в изданиях, включенных в Перечень
рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки РФ:**

3. *Стефанович П.С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 41–59. (2 а.л.).
4. *Стефанович П.С.* Религиозно-этические аспекты отношений князя и знати в домонгольской Руси // Отечественная история. 2004. № 1. С. 3–18. (2 а.л.).
5. *Стефанович П.С.* Клятва по русско-византийским договорам X века // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 383–403. (1,5 а.л.).
6. *Стефанович П.С.* Боярская служба в средневековой Руси // Одиссей. Человек в истории. М., 2006. С. 151–160. (0,6 а.л.).
7. *Стефанович П.С.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56–74; № 4 (26). С. 78–89. (2,5 а.л.).
8. *Стефанович П.С.* Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 72–82. (1,2 а.л.).
9. *Стефанович П.С.* Дружинный строй в Древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю)? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 33–40. (1,0 а.л.).

10. Лукин П.В., Стефанович П.С. Новый труд по истории древних славянских государств // Славяноведение. 2010. № 4. С. 66–78. (авторский текст: 0,6 а.л.).
11. Стефанович П.С. «Феодализм» на Руси: история вопроса // Преподавание истории в школе. 2011. № 6. С. 24–29. (0,5 а.л.).
12. Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. М.-СПб., 2011. № 12 (22). С. 5–35. (2,4 а.л.).
13. Стефанович П.С. «Большая дружина» «варварской Европы» // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 73 (3–4). С. 27–57. (2,0 а.л.).
14. Стефанович П.С. «Большая дружина» в Древней Руси // Российская история. 2011. № 5. С. 78–90. (1,4 а.л.).
15. Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russionum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 513–582. (5 а.л.).
16. Стефанович П.С. О численности боярства в домонгольской Руси // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Выпуск 5(13): Начала Древнерусского государства. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000427-8-1>. (1 а.л.).
17. Стефанович П.С. Предыстория древнерусского термина «бо(л)ярин» // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Выпуск 7(15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000224-5-2>. (1 а.л.).
18. Стефанович П.С. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института российской истории РАН. М., 2013. Вып. 11. С. 18–61 (2,5 а.л.).

Другие научные публикации по теме диссертации:

19. Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 86–113. (1,8 а.л.).
20. *Stefanovič Petr S.* Der Eid des Adels gegenüber dem Herrscher im mittelalterlichen Russland // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 53 (2005). Heft 4. S. 497–505. (0,5 а.л.).
21. Стефанович П.С. Пленение перемышльского князя Володаря Ростиславича 1122 г. в освещении русских летописей, западных источников и В.Н. Татищева. Тезисы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 98–100. (0,2 а.л.).

22. *Лукин П.В., Стефанович П.С.* Рецензия на: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003 // *Средневековая Русь.* М., 2006. Вып. 6. С. 371–402. (авторский текст: 0,5 а.л.).
23. *Стефанович П.С.* Германская дружина и попытки сравнения её со славянской дружиной: историографический обзор // *Rossica antiqua.* СПб., 2006. Вып. 1. С. 204–228. (2,5 а.л.).
24. *Стефанович П.С.* Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // *Церковно-исторический вестник.* 2007. № 1. С. 117–133. (1,3 а.л.).
25. *Стефанович П.С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // *Средневековая Русь.* М., 2007. Вып. 7. С. 120–220. (4,0 а.л.).
26. *Стефанович П.С.* Дружина // *Большая Российская энциклопедия:* В 30 т. М., 2007. Т. 9. Динамика атмосферы – Железнодорожный узел. С. 369–370. (0,2 а.л.).
27. *Стефанович П.С.* «Дружина» в древнейшем русском летописании. Тезисы // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2007. № 3 (29). С. 103–104. (0,2 а.л.).
28. *Стефанович П.С.* «Шахматовский» подход к изучению русского летописания и социальный строй Древней Руси. Тезисы // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2008. № 3 (33). С. 65–66. (0,2 а.л.).
29. *Стефанович П.С.* Дружина в архаическом обществе: Древняя Русь в сравнительно-историческом контексте // *Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства.* Ижевск. 20–22 мая 2008 г. Ижевск, 2008. С. 326–332. (0,5 а.л.).
30. *Стефанович П.С.* Пётр Влостович и его связи с Русью: эпизод русско-польских отношений 1118–1145 гг. в освещении русских, польских и немецких источников // *Дрогичинь 1253. Матеріали Міжнародної наукової конференції з нагоди 755-ї річниці коронації Данила Романовича.* Ивано-Франківськ, 2008. С. 142–152. (0,7 а.л.).
31. *Stefanovič Petr S.* Expressing Loyalty in medieval Russia: Oath vs. Oral Formulas // *Oralité et lien sociale au Moyen Âge (Occident, Byzance, Islam): parole donnée, foi jurée, serment,* éd. M.-Fr. Auzepu et G. Saint-Guillain (Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, Monographies 29). Paris, 2008. P. 127–136. (0,5 а.л.).
32. *Стефанович П.С.* «Дружина» в древнейших славянских текстах // *Исторические записки.* СПб., 2009. Вып. 12 (130). С. 275–307. (2,4 а.л.).

33. *Стефанович П.С.* «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 6–51. (2,2 а.л.).
34. *Стефанович П.С.* Верность в отношениях князя и дружины на Руси в XI–XIII в. Тезисы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 111–112. (0,2 а.л.).
35. *Stěfanovič Petr S.* „Feudalismus“ a bojaři středověké Rusi (перевод: Й. Комендова) // Dějiny – Teorie – Kritika. Praha, 2009. № 2. S. 257–273. (1,2 а.л.).
36. *Стефанович П.С.* Боярское «право отъезда» в домонгольской Руси // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 334–343. (0,75 а.л.).
37. *Стефанович П.С.* Кого представляли послы «от рода рускаго» в договоре руси с греками 944 г.? Тезисы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 109–110. (0,25 а.л.).
38. *Стефанович П.С.* «Большая дружина» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 265–269. (0,4 а.л.).
39. *Стефанович П.С.* Древнерусские выражения верности дружинников и присяга в сравнительном контексте // Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 392–410. (1,5 а.л.).
40. *Стефанович П.С.* Происхождение «права отъезда» на Руси // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Сб. статей. Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 2012. С. 115–124. (0,75 а.л.).
41. *Стефанович П.С.* О дани в «трибутарном» государстве Руси в X в. // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С. 260–267. (0,4 а.л.).

Подписано в печать 16.01.14. Формат 60x84/16.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Для заметок